

МЕМОРИАЛЬНЫЕ И УНИЧТОЖЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ

И. Н. Юркин

НЕКРОПОЛЬ НИКОЛО-ЗАРЕЦКОЙ (ДЕМИДОВСКОЙ) ЦЕРКВИ В ТУЛЕ ПО ДОКУМЕНТАМ И ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

К исследованию истории некрополя Николо-Зарецкой церкви автор обратился в начале уже далёких 1990-х годов. Плодом тех исторических разысканий явилась небольшая, в 80 страниц, книга: Юркин И. Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь в Туле. Исторический очерк (Тула, 1994). Работа, предлагаемая читателю сейчас, опирается на текст той публикации, однако текст её переработан с учётом того, что прибавили к этой истории последние десятилетия. Заключение — оригинальный текст, рассказывающий об археологическом исследовании демидовского некрополя, — написан автором на основе его дневников и воспоминаний.

Находящаяся в Кузнецкой слободе тульского Заречья Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь заменила собой два деревянных храма-предшественника с посвящением основных их престолов Николаю чудотворцу и Рождеству Христову, самое раннее известное упоминание о которых относится к 1625 г. [13, с. 11–13]. Она была построена по инициативе и на средства горно— и металлопромышленника Акинфия Никитича Демидова, рождённого в семье, принадлежавшей к её приходу. Строительство началось не позднее октября 1730 [11, стлб. 794], по нашему предположению — немного раньше. Датой завершения строительных и отделочных работ условно можно считать 25 июня 1735, когда был освящён престол (Христорождественский) на верхнем этаже нового здания [14а, с. 126].

Связанный с этим храмом некрополь состоит из двух частей: *внешней* (по отношению к первоначальным и новому храмам), наиболее значительной по числу захоронений, и *внутрицерковной*. Последняя вклю-

чала погребения в церквях, предшествовавших нынешней (конкретные данные о захоронениях в них отсутствуют, но существование их вполне вероятно), и захоронения внутри ныне существующего здания.

1. Внешний некрополь (кладбище при приходской церкви)

1.1. Местоположение

На плане застройки Заречья 1740 г. [8], а также на, вероятно, несколько более раннем проекте перепланировки этого района [7] показан расположенный к востоку и северу от Никольской церкви свободный от застройки участок неизвестного назначения. На плане 1740 года он имеет размер 16 на 27 саж. (35 на 58 м) и площадь около 0,2 га; длинная сторона его тянется вдоль Демидовской улицы. При планировавшейся тогда перепланировке района на регулярной основе (на плане на старые границы нанесены новые) исторически сложившуюся нерегулярную планировку на этом участке решено было отчасти сохранить. Для этого церкви отводился участок, равный двум стандартным дворовым местам: близкий к квадрату с размером сторон 19 на 19 саж. и площадью около 0,17 га.

Подобные описанному свободные от застройки участки при храмах — сходные с тем, который видим на плане [7] — интерпретировались в литературе чаще как городские площади, что как будто подтверждало тезис о том, что данный «проект... во многом предвосхитил принципы градостроительных работ XVIII в.» [28, с. 113]. На наш взгляд для такой их трактовки нет достаточных оснований. Применительно к Николо-Зарецкой церкви тот факт, что подобная «площадь» в 1740 здесь уже существовала, в то время, как перепланировка района только еще задумывалась, убедительно свидетельствует, что перед нами не новообразование, а фрагмент исконной, исторически сложив-

Церковь Николы Зарецкого (фото 1913)

шейся планировки. Единственным типом объекта близ приходской церкви в позднесредневековом городе, существование которого (объекта) исключало возможность оперативной застройки и хозяйственного использования земли под ним, было церковное кладбище. В проекте перепланировки этот участок сохранялся потому, что на кладбище, даже если в это время оно уже и не действовало, оставались незабытые прихожанами храма могилы.

Итак, сравнение планов [7] и [8] позволяет предположить, где находилось старое кладбище Николо-Зарецкой церкви. Материал известных нам более поздних планов этого района высказанной гипотезе, во всяком случае, не противоречат.

Когда кладбище Николо-Зарецкой церкви прекратило существование? «Закат» кладбищ при городских приходских церквях начался после именного указа от 12 апреля 1722, потребовавшего, чтобы надгробные камни на них опускались вровень с землей или использовались для церковных строений [20, с. 35]. В качестве следующего, нанесшего еще более серьезный удар по приходским кладбищам указа в литературе называют указ от 31 декабря 1731 [15, с. 11]¹¹. Но более поздние касавшиеся некрополей указы закрытия внутригородских кладбищ не требовали — они лишь предписывали устраивать новые вдали от проезжих дорог и жилья (см. напр. сенатский указ от 9 апреля 1756 [12, т. 40. Общ. прил. к т. 14. № 10537а]). Точные даты закрытия тульских приходских кладбищ не известны, но в Москве, по некоторым данным, «подавляющая часть старых церковных кладбищ, расположенных у приходских храмов, была упразднена еще Петром I в начале XVIII в.» [23, с. 48]. При этом первое общегородское (Лазарево) кладбище в старой столице было основано лишь в 1750 году [20, с. 38]. Надо полагать, что приходские кладбища в ней (как и в других городах), свёртывались постепенно — всё то время, пока не хватало общегородских. Функционирование кладбищ при приходских церквях окончательно прекратилось лишь после эпидемии чумы 1771 года, когда специальные указы [20, с. 37; 29, с. 54] запретили погребать мёртвые тела в черте города и потребовали отведения для этой цели особых мест за нею. Особенно показателен указ от 19 мая 1772, данный Сенатом по рапортам Тульской провинциальной и Чухломской воеводской канцелярий, который, решив вопрос для частного случая, вынес и общее узаконение: «от Святейшаго Синода требовать, дабы оный благоволил и с своей стороны Духов-

¹¹ В Полном собрании законов Российской империи (СПб., 1830) такой отсутствует.

ным Правлениям сделать подтверждение, чтобы усопшие, кроме тех кладбищ, кои на вышеписанном расстоянии от жили отведены будут, в других местах отнюдь похороняемы не были» [12, т. 19. № 13803].

Таким образом, прекращение практики захоронений на кладбище при Николо-Зарецкой церкви относится к периоду с 1722 по 1771. Разумеется, оно не привело к немедленному его исчезновению из памяти после закрытия. Об этом говорит факт резервирования занимаемого им участка при определении мест под жилые дворы на плане конца 1730-х, а также то, что в ходе застройки района по утверждённому в 1779 генеральному плану города в строго регулярную планировочную структуру проник и закрепился в ней фрагмент, имеющий нерегулярную планировку: неправильной формы (в плане) незастроенное пространство к востоку и северу от церкви — то есть именно там, где, как мы полагаем, находилось кладбище.

Именно такая планировка изображена на плане Заречья рубежа XVIII–XIX веков [2]. Квартал, в котором находится церковь, обозначен здесь номером 13; он разделён Никольским переулком на две приблизительно равные части. К северу от храма располагается неправильной формы участок, не занятый дворами; в центре его находится г-образная в плане каменная постройка. К этому участку примыкают дворы священно- и церковнослужителей, а с запада — дворовое место с каменным домом, принадлежащие заводчику П. Красильникову.

Обратим внимание на то, что, несмотря на примерно два десятилетия, прошедших с момента начала реализации генерального плана Тулы 1779 года, границы прилегающих к участку дворовых мест проходят, не считаясь с жёстким ритмом членений регулярной планировки, что позволяет видеть в них наследие планировки допожарной. Уберечься от раздела по стандартной сетке квартал мог только в том случае, если существовала особая причина, мешавшая перемеревать какую-то его часть. Дворы священнослужителей были не более неприкосновенными, чем любые другие частные владения, следовательно, дело заключалось в незастроенном участке к северу и северо-востоку от церкви. Единственное приходящее на ум объяснение столь бережного отношения к нему мы уже привели: кладбище, причем кладбище не позабытое (не важно, действующее или нет). Свою роль, быть может, сыграло и существование здесь богадельни (не она ли занимала г-образное здание?), также отчасти страховавшее участок от унифицирующего перемеревывания.

Заметим, что, если описанные ранние планы давали контуры данного участка несколько схематизированно, условно, то на плане конца

XVIII века [2] границы его (вернее, границы окружающей его застройки) показаны более детально, и, надо полагать, достаточно точно. Это позволяет вплоть до обнаружения ещё более точных и, главное, более ранних планов района принять указанный план в качестве основы для определения границ кладбища на местности.

Логика подсказывает, что в случае, если кладбищенский участок избегал расчленения в ходе начального этапа реализации генерального плана города, сохраняться в качестве элемента планировочной структуры было ему уже проще, поскольку контур закрепляли утвержденные границы окружающих дворовых мест. На планах XIX века на месте внешнего кладбища Николо-Зарецкой церкви видим внутриквартальную площадь, в середине столетия носившую название Никольской [3, л. 63].

1.2. Захоронения Демидовых

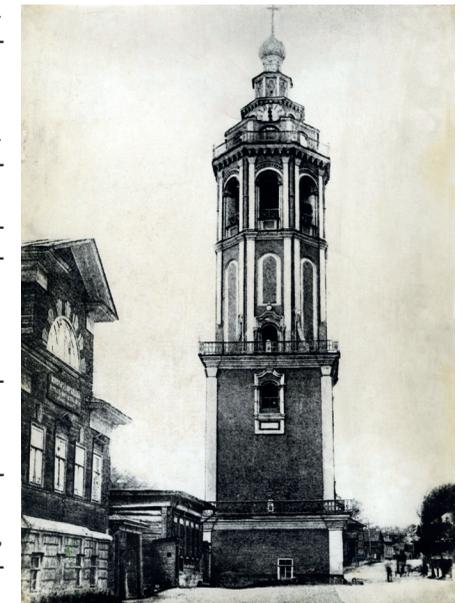
Пока кладбище при Николо-Зарецкой церкви действовало, на нем погребались ее прихожане — представители фамилий, составлявших церковный приход. Если считать, что к этому приходу относилась примерно треть населения Кузнецкой слободы (напомним, что Никольская церковь была одной из трех слободских церквей), то допустимо утверждать, что на кладбище при этой церкви была похоронена тоже приблизительно треть всех лиц, проживавших в слободе в XVII — первой половине XVIII вв. (10).

Наибольший интерес представляют находившиеся здесь захоронения Демидовых. Видевший их И. Ф. Афремов [16, с. 295, 296] достаточно определённо называет имена только двух представителей рода, похороненных на приходском кладбище: основателя династии Никиты Демидовича Антюфеева (Демидова) (№ 1) (ум. 17 ноября 1725, Тула) и его жены Евдокии Федотовны. Если в отношении главы семейства принять эту точку зрения ничто не мешает, то для супруги возникают серьёзные сомнения. По Афремову, она скончалась до 1732 [16, с. 296]. Близкую дату (1730) дают и некоторые родословные Демидовых, опубликованные в XIX веке, например, составленная П. А. Демидовым (1873) [18, стлб. 2213] и помещённая в «Русской родословной книге» князя А. Б. Лобанова-Ростовского [25, с. 179]. Между тем, архивные данные позволяют уверенно утверждать, что Е. Ф. Демидова была жива ещё в 1744 [4, л. 1 об.], а значит, очень маловероятно, что её похоронили на кладбище возле церкви — погребение, скорее всего, было совершено в уже существовавшем тогда склепе, находящемся внутри неё.

Афремовым кроме того было высказано предположение, что Н. Д. Антюфеев «погребен... вероятно рядом с отцом своим» [16, с. 295], именем которого (Демид Климентьевич (№ 2)) предположительно продолжаем начатый список. Его можно расширять и далее, включив в него (также предположительно) ближайших родственников, умерших до строительства каменного храма: среднего сына родоначальника Григория Никитича (№ 3) (ум. 14 мая 1728, Тула) и единственного сына последнего Ивана Григорьевича (№ 4) (ум. в феврале 1730, Тула). Ещё один вероятный кандидат на включение в указанный список — неизвестная нам по имени первая жена Григория Никитича (№ 5), умершая не позднее конца первого десятилетия XVIII века.

Выдающаяся роль, которую сыграл родоначальник Демидовых в истории российской промышленности и предпринимательства, привлекают особый интерес к вопросу о местоположении могилы этого замечательного человека. Имеющиеся в литературе сведения на этот счёт немногочисленны.

О месте его могилы достаточно определённо говорит один Афремов, прочие авторы упоминают только о местоположении связанного с захоронением мемориала (памятника). По Афремову, Демидов был похоронен близ старой деревянной Никольской церкви, «стоявшей позади от нынешнего храма». Его сын Акинфий позднее поставил над могилой отца «чугунный саркофаг фигурую (то есть в форме. — И. Ю.) гробницы» в 3 аршина длины и весом около 60 пудов (2,13 см и приблизительно 980 кг) с эпитафией «на чугунной крышке оного». Но после 1812 этот памятник был снят с первоначального места, поскольку «загораживал собою проход из... храма к Демидовской богадельне и надворным домам церковнослужителей», а также провоцировал неуместное любопытство посторонних лиц, несколько раз нарушавших неприкосновенность памятника

Колокольня Николы Зарецкого
(фото 1913)

(сдвигавших крышку). «По снятии памятника, — пишет Афремов, — теперь настоящего места могилы любимца Петра Великого, родоначальника знаменитых господ Демидовых, никто уже указать не может» [16, с. 296].

Итак, афремовский текст содержит следующие топографические указания относительно первоначального местоположения могилы Демидова.

Во-первых, она находилась близ деревянной церкви, последняя же стояла позади существующей ныне. Характеристика «позади» приобретает смысл только, когда определён передний, главный фасад храма. В принципе, таковых могло быть два: южный, выходящий в переулок, и северный — на внутреннюю площадь, окружённую домами церковнослужителей. Ранее мы уже попытались обосновать утверждение, что внутриквартальная площадь сформировалась на месте старого кладбища, не имела торгового значения, через неё не проходили транспортные и пешеходные потоки. Напротив, Никольский переулок (начало старой дороги на Алексин) издавна был одной из главных магистралей Заречья. Это на наш взгляд однозначно свидетельствует о том, что главным фасадом здания во времена Афремова должен был считаться фасад южный, следовательно, местоположение «позади» церкви должно было означать район севернее её.

Во-вторых, памятник якобы мешал проходу к богадельне и домам церковнослужителей. Дома церковного причта окружали храм со всех сторон, исключая только два участка: первый, примыкавший к западной части упомянутой внутренней площади (принадлежал Красильниковым, позднее Гольтяковым), и второй, тянувшийся вдоль западной границы южной части 13-го квартала (принадлежал Мосоловым). Если бы памятник мешал движению к домам, находившимся с юга от церкви, он неизбежно должен был бы попасть на проезжую часть улицы (Никольского переулка). Остаётся считать, что речь идёт о домах к северу и востоку от церкви, то есть тех, что стояли вокруг внутриквартальной Никольской площади.

Таким образом, сведения Афремова, а также проанализированные в предыдущем разделе картографические материалы хорошо согласуются, свидетельствуя, что могилы Никиты Демидова и его жены находились к северу от современной церкви.

Ещё один вариант локализации первоначального местоположения демидовской могилы, довольно рискованный, поскольку предполагает игнорирование версии Афремова (которую в этом случае приходится признать поздней и недостоверной) будет предложен и обсуждён далее.

2. Внутрицерковный некрополь

Ядром внутрицерковного некрополя является демидовский склеп и связанные с ним два помещения часовни.

2.1. Круг погребённых (personalia)

О погребениях Демидовых внутри Николо-Зарецкой церкви, писали (с перечислением имён представителей рода) И. Ф. Афремов [16], Н. Ф. Андреев [14; 14а], Г. И. Панов [27; 27а], П. Ф. Кратиров [24], М. А. Дружинин [19]. Первые четверо либо прямо ссылаются на свои впечатления от осмотра ансамбля некрополя, либо такое знакомство позволяет предполагать контекст. Сведения Дружинина вторичны: его текст определённо восходит к Панову.

Указанные источники называют следующих представителей рода Демидовых, похороненных в церкви:

- (№ 1) **Никиту Демидовича (Антюфеева)** (Андреев, Панов, Кратиров, Дружинин);
- (№ 6) **Акинфия Никитича** (ум. в 1745) (Афремов, Панов, Кратиров);

Недавно обнаруженные сведения, связанные со смертью и непростой последующей судьбой останков Акинфия Демидова, публикуются нами в работе [35а]. Ограничимся здесь сообщением, что его тело прибыло в Тулу не ранее чем через полгода после смерти. Приводим фрагмент ранней анонимной его биографии, к сожалению, точной далеко не во всех деталях: «Тело же ево вскоре по кончине (это ошибка. — И. Ю.), с Высочайшаго позволения¹², по жительству их перевезено в Тулу и предано Земле при сооруженном их иждивением каменном великолепном храме во имя Святителя Николая Чудотворца в особой палатке подле могилы родителя его Никиты Демидовича...» [10, л. 1 об.].

Помимо перечисленных внутри храма похоронили:

- (№ 7) вторую жену Акинфия Никитича **Евфимию (Афимью) Ивановну**, урождённую Пальцову (ум. около 1771) (Афремов);
- (№ 8) их сына **Григория Акинфиевича** (ум. в 1761) (Андреев, Панов, Кратиров);
- (9) жену Г. А. Демидова **Анастасию Павловну**, урож. Суровцеву (ум. в 1763, СПб.; тело перевезено в Тулу) (Андреев, Панов, Кратиров).

¹² В копии на л. 3–4 того же архивного дела: соизволения.

Несмотря на неполное совпадение данных использованных нами источников, в целом следует отметить достаточно хорошее их согласование. Особенно близки сведения авторов, писавших во второй половине XIX века. Это легко объяснимо: все они основывались на текстах, помещенных на существовавших в то время надгробных памятниках, установленных во время реконструкции склепа в 1852 (см. далее).

Поскольку археологическое исследование демидовского склепа, проведённое в 1991–1992, выявило наличие в нём значительно большего числа погребённых, чем охвачено нашим списком, уместно попытаться этот список расширить. С достаточно высокой вероятностью можно предполагать, что помимо названных в церковном склепе были похоронены:

- (№ 10) вдова Н. Д. Демидова **Авдотья Федотовна** (ум. не ранее 1744);
- (№ 11) их внучка, дочь Никиты Никитича Демидова (младшего брата Акинфия) **Татьяна Никитична** (ум. 19 августа 1734, Тула)¹³. Заметим, что она не учтена ни одной из родословных росписей Демидовского рода (см. о ней [33, с. 110–113; 34, с. 192–197; 35]).

В комплексе помещений, связанных с демидовским некрополем, погребались не только Демидовы. Достоверно известно о двух недеидовских захоронениях, находившихся в западной камере часовни. Это:

- могила в южной части её. Здесь ещё в 1934 в стене находилась чугунная доска, сообщавшая о погребении на этом месте заводчика Мосолова, умершего в 1807 [6, л. 114]. Могила вскрывалась при несанкционированных раскопках 1934 и, повторно, при последнем обследовании.
- могила священнослужителя (установлено по особенностям обряда погребения) в северной части западного помещения часовни, обнаруженная при последних археологических работах.

Особенно интересны данные до погребения в храме заводчика Мосолова, поскольку эта промышленная династия тульского происхождения занимала среди таких династий очень достойное место — третье после Демидовых и Баташёвых.

В. И. Чернопяттов воспроизводит следующую надпись, находившуюся в его время, как он пишет, «на стене» Николо-Зарецкой церкви

¹³ До наших публикаций, первая из которых, газетная, появилась в 1994 г. [35], о ней не упоминала ни одна родословная роспись Демидовых. О ее смерти и последующем следствии (по доносу о ее криминальном характере) см. [34].

(надо полагать, на плите в стене): *«Заводосодержатель, титуляр. совет. Антипа Максимовичъ Мосоловъ, умеръ 17... марта 17 г., 96 летъ»*. Далее, в скобках, даёт не вполне понятное уточнение: *«после 1733 г.»* [32, с. 106]. Интерпретация текста в таком его виде вызывает затруднения. Согласно книге второй ревизии А. М. Мосолову во время проведения переписи было 15 лет [13, с. 208]. Сведения этой книги относятся в основном к концу 1743–началу 1744 годов. Год рождения Антипы Мосолова, следовательно, скорее всего 1728–1729, в крайнем случае, 1730. Если принять продолжительность его жизни равной 96 годам, то смерть его придётся на 1824–1826, но никак не на 1807-й, будто бы обозначенный на плите из часовни. Выйти из затруднения можно, возложив «вину» за нестыковку: а) на обычную для ревизских материалов приблизительность указываемых в сказках возрастов; б) на опisku или опечатку в одном из привлеченных источников; в) на то, что в источниках говорится о разных лицах. Из последнего следует, что в Николо-Зарецкой церкви были похоронены по меньшей мере двое представителей рода Мосоловых, причём оба были металлзаводчиками. Последнее предположение представляется вполне возможным — среди Мосоловых были состоявшие в свойстве с Демидовыми. Так, недавно обнаруженный документ 1746 года после перечисления сыновей Акинфия Демидова упоминает *«зятя их тулянина Тимофея Масалова»* [9а, л. 69 об.].

2.2. Усыпальница (склеп)

Ранее отмечалось, что вопрос о местоположения могилы Демидова на сегодняшний день однозначного решения не имеет. Одно из возможных решений было описано. Рискнув отказаться от версии Афремова о расположении ее вне стен нынешней церкви, получаем альтернативный вариант, по своему привлекательный, хотя и более чем гипотетичный.

Согласно Панову [27, с. 223], источника сведений не сообщающему, и повторившего это составителю сборника «Приходы и церкви Тульской епархии» П. И. Малицкому [26, с. 39], часовня над погребением (или погребениями) Демидовых в Николо-Зарецкой церкви была устроена в 1724¹⁴, то есть ещё при жизни Н. Д. Демидова и до начала строительства каменного храма. Из слов Панова не следует, что часовня, находящаяся сегодня внутри Николо-Зарецкой церкви, и есть та, что появилась в 1724 — первоначальная могла перестраиваться и переноситься. Но если предположить, что первая часовня и нынешняя — физически

¹⁴ Тот же год назван и в «Приходах и церквях Тульской епархии» [26, с. 39].

одна и та же постройка, то допустимо спросить: не руководствовался ли А. Н. Демидов при выборе места для строительства каменной церкви (совсем не обязательно совпадавшем с тем, где стояли деревянные) местоположением родительских могил и часовни над ними; не избрал ли ее (часовню) в качестве опорной точки, своего рода «закладного камня» для будущей постройки? О том, что часовня (ее старейшее — восточное — помещение) суть нечто, подвергавшееся перестройке с целью привязки к окружившим ее новым стенам — говорит сама архитектура помещения.

В рамках этой версии планировочное решение, избранное храмоздателем, представляется осмысленным еще и в символическом плане. Крест над колокольной при первоначальном варианте ее местонахождения проецировался в центр склепа, уподобляясь кресту над могилой и в то же время как бы уподобляя (через внешнюю атрибутику) поминальную фамильную часовню церковному приделу. Становится более понятным, почему рухнула колокольня: первоначальный склеп и часовня над ним строились без расчета на нагрузки нескольких каменных ярусов, не имели достаточного числа армирующих металлических связей в стенах и прочих элементов, способных обеспечить основанию достаточную прочность в случае его надстройки. Его усиление потребовало бы полной разборки часовни, уже включенной в нижний этаж трапезной. Вместо этой трудоемкой работы и был, возможно, избран вариант возведения колокольни в виде отдельной постройки.

Комплекс демидовской усыпальницы (склеп и часовня) подвергался неоднократным ремонтам и поновлениям.

Самые ранние имеющиеся в нашем распоряжении сведения о состоянии усыпальницы, отражающие, возможно, впечатления от осмотра ее, относятся ко времени создания анонимной биографии А. Н. Демидова, датируемой эпохой не позднее начала XIX века. Цитированный ранее ее фрагмент, сообщающий, что Акинфий Демидов был похоронен возле могилы своего отца, имеет продолжение: «над¹⁵ коими (могилами. — И. Ю.) находятся отличной работы два медные решетчатые ковчега, из числа сделанных по Усердию Акинфия Никитича в Туле, и отправленных в Киев, для помещения в них гробов с нетленными телесами тамошних Угодников» [10, л. 1 об.]. Сведения о том, что стоявшие в Туле над могилами Н. Д. и А. Н. Демидовых парные надгробия были из той же серии, что и сделанные последним для киевских угодников, совершенно уникальны и очень интересны. Надеемся, будущие исследова-

¹⁵ В копии: под.

ния осветят историю этой забытой ныне работы демидовских мастеров.

Согласно Афремову, Никита Акинфиевич Демидов приказал находившиеся в подземелье гробы родителей (А. Н. и Е. И. Демидовых), стоявшие, сколько можно понять из контекста, над уровнем пола, заложить кирпичным сводом. Оставались ли на месте медные ковчеги времени Акинфия Никитича или устройство кирпичного свода привело к их демонтажу — не ясно. К середине XIX века свод был уже полуразрушен (в головах погребенных), вследствие чего «обе гробницы» оказались частично засыпанными обломками кирпичей и мусором. Афремов отмечает, что в это время гробницы (гробы) были лишены «своих покровов» [16, с. 300]. Согласно эпитафии, Н. А. Демидов умер в мае 1787 [10, л. 2]¹⁶ — соответственно, временем не позднее этой даты следует датировать и закладку гробов сводом¹⁷.

В 1852 захоронения Демидовых были приведены в порядок. По сведениям Андреева, «вместо кирпичных сделали гробницы из... меди» [14а, с. 125]. Учтем, однако, что Андреев, по всей видимости, демидовского некрополя до 1852 года не видел (заключаем это из того, что он описывает его, ссылаясь на «очевидцев, достойных полного доверия»). Напротив, Афремов, как это однозначно следует из текста, лично его осматривал, следовательно, сведения его заслуживают большего доверия. Вполне возможно, что Андреев не точно понял чужие рассказы и назвал «кирпичными гробницами» то, что в действительности было кирпичным сводом над гробами. В этом случае разборку каменного свода XVIII века можно достаточно точно датировать 1852 годом.

Имён представителей рода Демидовых, на средства которых были проведены работы в 1852, мы не знаем. Не исключено, что они (работы) явились дальним эхом посещения храма в 1845 П. Г. Демидовым (см. раздел, посвящённый часовне).

Андреев не касается того, какие работы были выполнены в 1852 году. Единственное, о чём он упоминает, — изготовление новых надгробных памятников: они были сделаны из листовой меди и имели бронзовые украшения [14а, с. 125]. Памятники имели надпи-

¹⁶ В последнем издании родословной росписи Демидовых Е. И. Краснова в качестве года смерти Н. А. указала именно этот год [22, с. 121], хотя в более ранних писала так: «...—7 мая 1789 (1787?)» [21, с. 9].

¹⁷ Отметим, впрочем, что хранящаяся в фонде Демидовых архивная копия эпитафии имеет помету: «Надпись сия учинена в 1828 году» [10, л. 2]. Таким образом, эпитафия была сочинена спустя 41 год после смерти. Учитывая это, до специального изучения вопроса к приведённой дате следует отнестись, на наш взгляд, с некоторой осторожностью.

си (тексты см. в приложении), но где конкретно те находились и как выглядели, не сообщается.

Имеются, однако, данные о местоположении захоронений. Афремов (напомним, о надписях с именами погребенных не упоминающий), два полураскрытых в то время захоронения (единственные, которые он там увидел) был склонен считать: первое от стены — захоронением Акинфия Демидова, второе — его жены Е. И. Демидовой [16, с. 300].

Андреев, ознакомившись с состоянием усыпальницы вскоре после реконструкции 1852 года, застал в ней два надгробия с надписями, принадлежавшие, как он считал, Г. А. Демидову и его жене. Указано местоположение первого (впрочем, не достаточно определено): сказано, что оно находится «по левую сторону» (от чего? — лестницы?) [14а, с. 127].

Привлечённые нами источники второй половины XIX—начала XX веков дополнительных сведений по этому вопросу не прибавляют. Ценные уточнения даёт документ 1934 года, в котором отмечено, что надгробия Г. А. Демидова и его жены представляли собой стоящие «у южной стены помещения... рядом, вплотную друг к другу поставленные медные гробницы» с надписями на крышках. Под «гробницами» по-прежнему подразумеваются памятники: погребения находились под чугунными плитами пола [6, л. 114].

Судьба надгробий, стоявших в усыпальнице, нам не известна. В акте от 28 февраля 1936 обследования архитектурных памятников Тулы, состоявших под госохраной, отмечена (пункт V. 3) утрата чугунных надгробных плит [6, л. 149 об.]. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что имеются в виду в том числе и плиты с текстами эпитафий.

О судьбе захоронений известно несколько больше, чем о надгробиях. В сентябре 1934 могилы Демидовых в их фамильном склепе были вскрыты (подробнее в разделе 3). Это несанкционированное вторжение в демидовский некрополь оказалось не последним. В фототеке ГНИМА нами были обнаружены три фотографии в конверте с надписью «Тула. Кладбище церкви Николая Заяицкого¹⁸. Могила Демидовых. 3 фт.». Каких-либо сведений о времени и источнике поступления фотографий в музей установить не удалось, как и сведений о раскопках, стадии и результаты которых фиксируют снимки.

Не исключено, что работы, запечатленные на фотографиях, хронологически предшествуют посещению усыпальницы, упомянутому в га-

¹⁸ Так в оригинале.

зетной информации 1964 года, где оно названо «обследованием склепа» [31]. В заметке сообщается, что в последнем «гробниц... не оказалось, но на полу были найдены три черепа, кости и остатки парчовой одежды, а также медная ручка от гробницы с изображением Акинфия Демидова (предположительно)». находка демидовского портрета на подобном предмете более чем сомнительна, а вот сомневаться в факте проникновения в склеп и неких действий, которые автор заметки назвал «обследованием», оснований нет. Возможно, в его ходе были выявлены следы именно тех раскопок, которые фотофиксированы на снимках из ГНИМА. Не исключено также, что какие-то земляные работы были проведены и в 1964 непосредственно в ходе обследования.

Интерпретацию этих фотографий затрудняет то обстоятельство, что изображённое на них помещение мало похоже на камеру демидовского склепа в Николо-Зарецкой церкви. Нельзя поэтому исключить, что содержание фотографий не вполне соответствует сопроводительным надписям. Объяснить нестыковки можно, объявив ошибочными различные детали сопровождающего фотографии текста. Перечислим несколько вариантов.

А) Возможно, перед нами объект не тульский, а московский. В столице действительно есть церковь Николая Заяицкого (Николая чудотворца в Заяицком). Она находится в Замоскворечье (2 Раушский переулок, дом 1) на участке между Большим Москворецким и Большим Устьинским мостами [30, с. 602–604]. Нам неизвестно о связи этой церкви с Демидовыми, но поблизости находится церковь великомученика Георгия в Яндове, с которой Демидовы были связаны долго и тесно. К её приходу принадлежал двор Никиты Демидова, перешедший потом к его сыну Акинфию, в этом же районе Акинфий приобретал позже новые дворы. Вполне возможно, что на кладбище при какой-то из этих церквей были похоронены и некоторые из Демидовых.

Б) Сфотографирован объект вроде бы тульский, но это не внутрицерковный склеп. Обратим в связи с этим внимание то, что в подписях на оборотах фотографий трижды упомянуто *кладбище* Николо-Зарецкой церкви.

В) Место — Тула, но изображённый объект к демидовскому некрополю отношения не имеет.

Определиться в выборе позволят последующие исследования. В настоящее время более предпочтительным нам представляется первое объяснение.

Как уже упоминалось, в начале 1990-х в склепе и западном помещении часовни при участии автора было проведено археологическое

исследование сохранившихся погребений. Рассказ об этих работах и их результатах был дан в публикации [37]; некоторые дополнительные сведения приведены в конце этой статьи.

2.3. Часовня

Демидовский мемориал

Вернёмся к истории надгробия, отмечавшего некогда могилу Никиты Демидова. По Афремову, находившийся прежде под открытым небом памятник был перенесён в церковь, где впоследствии по крайней мере один раз менял местоположение: попав сначала «в тёмный притвор храма, находящийся под лестницею, ведущей на второй церковный этаж», в 1845 по желанию посетившего храм флигель-адъютанта Петра Григорьевича Демидова был переставлен «в другой светлый притвор храма, обращённый к церковному саду» [16, с. 296]. Местоположение этого одного такого сада (единственного или нет?) мы знаем: в начале XX века он занимал юго-западный угол квартала, в котором находилась церковь [1].

Заметим, что в приводимой Афремовым родословной росписи для ветви рода, к которой принадлежит П. Г. Демидов, допущена ошибка. Согласно новейшим, существенно уточнённым и дополненным росписям [22, с. 131], он — правнук похороненного в храме Григория Акинфиевича Демидова (ветвь, идущая от его сына Александра Григорьевича, последнего владельца Тульского завода Демидовых); в росписи Красновой ему присвоен № 72¹⁹.

Если ошибку в отношении положения на родословном древе исправить несложно, то разобраться с помещениями, в которых побывал демидовский памятник, труднее. Наиболее вероятно, что в обоих случаях речь идёт о часовне: сначала о восточном, потом о западном её помещении.

По свидетельству Н. Ф. Андреева, в 1853 демидовский мемориал совершенно точно находился в часовне, и, как следует из его описания (помещение имело свод и одно небольшое окно), скорее всего, в западной части её [14а, с. 125]. К сожалению, источник не даёт отчётливого представления о нём. При поверхностном чтении из текста может показаться, что в часовне стоял собственно гроб с прахом Демидова,

¹⁹ Годы жизни: 1807–1862. Последний чин: генерал-лейтенант. Упоминание о нём в книге И. Ф. Афремова — ценный своей редкостью штрих, характеризующий связь поздних Демидовых с городом своих предков.

в 1852 заключённый в медную «гробницу». Более внимательное чтение заставляет, однако, прийти к выводу, что до 1852 Андреев лично погребений Демидовых в Николо-Зарецкой церкви не видел — при описании их первоначального состояния он ссылается на «очевидцев, достойных полного доверия» [14а, с. 125]. Его утверждение, что прежде «памятники Демидовым состояли из кирпичей, развалившихся от времени», представляет собой, вероятно, расширительно истолкованные рассказы о конструкциях в склепе, конкретно — о кирпичном своде, устроенном над погребениями ещё в XVIII веке (см. ранее). Что в часовне стоял гроб с прахом Никиты — маловероятно (эксгумация православием не одобряется). По всей видимости, Андреев видел надгробие, перенесённое с внешнего кладбища, либо памятник, сменивший его.

Заметим, что сведения о надгробии, приводимые Афремовым и Андреевым, друг с другом не согласуются. По Афремову, это был чугунный памятник, имевший форму саркофага, с эпитафией на съёмной чугунной крышке. Другой образ рождается из описания Андреева: гробница кирпичная (это недоразумение мы уже разобрали) с медной «шарообразной» (вероятно, круглой) доской с эпитафией на ней. Более вероятным представляется, что Андреев неточно передаёт чужие рассказы о том, чего сам не видел. Впрочем, не исключаем, что до работ 1852 года демидовский памятник претерпел какую-то реконструкцию.

Внешний вид памятника по состоянию на 1853 описал Андреев, и этот словесный портрет можно считать вполне достоверным, поскольку он отражает личные впечатления от знакомства с оригиналом. Это были (речь и о надгробии, стоявшем в часовне, и о тех, что находились в склепе) «гробницы из листовой меди с бронзовыми украшениями». Доска с эпитафией была переотлита с сохранением старого текста [14а, с. 125].

Следующие два источника — статьи Г. И. Панова (1863) и П. Ф. Кратирова (1899) — утверждают, что гробница Н. Д. Демидова находится в склепе. (Впрочем, Кратиров цитирует Панова; текст его явно вторичен по отношению к последнему, и указания на то, что автор осматривал памятник лично, в нём отсутствуют.) Сведения о внешнем виде надгробий очень кратки: «медные гробницы чеканной работы» (Панов [27, с. 223]), «большие гробницы..., на гробницах... большого размера чугунные плиты с соответствующими надписями» (Кратиров [24, с. 11]).

В сентябре 1934 при вскрытии и обследовании комплекса демидовских погребений в церкви работниками тульского ГорФО демидовское надгробие стояло «слева от входа в склеп, в юго-западном углу помещения» [6, л. 114].

Поскольку не ясно, что понимается под входом в склеп, это свидетельство допускает два варианта интерпретации. Первый — надгробие стояло непосредственно в склепе, второй — оно находилось в часовне. Присутствующее в тексте далее уточнение (под плитами пола в том месте, где стояло надгробие, находился двухметровый слой насыпной земли) склоняет к тому, чтобы выбрать вариант с часовней. Причем конкретно, с *западной* камерой часовни, поскольку в восточном помещении под плитами находится свод усыпальницы.

В источнике описан внешний вид и конструкция памятника: «*медное надгробие с надписью на верхней крышке о погребении Никиты Демидова*», внутри его — «*медный саркофаг с чугунной крышкой, без дна, совершенно пустой, стоявший на чугунных плитах пола*» [6, л. 114]. Это описание, отличаясь от предшествующих исчерпывающей ясностью, с совершенной определённой свидетельствует, что описывается именно надгробие, а отнюдь не сам гроб, что хорошо согласуется с сообщением Афремова.

Активная «преобразовательная» деятельность арендаторов здания в 1934–1937 привела к утрате многих исторически ценных предметов, мемориально связанных с Демидовыми. В докладной записке от 21 июля 1935, направленной директору краеведческого музея научным сотрудником М. А. Дружининым, отмечено, в частности, что «*с гробницы Никиты Демидова снята медная крышка с надписью*» [6, л. 124]. Дальнейшее разрушение памятника зафиксировал акт, составленный в августе 1936 музеем по результатам осмотра здания, проданного к тому времени Гульской автошколе. В нем записано (пункт 4): «*В склепе Демидовых надгробие Никиты Демидова 1725 г. удалено с места и разбито*» [6, л. 176]²⁰.

Планировка и интерьер часовни

Сведений о первоначальном (допожарном) характере планировки и интерьера демидовской часовни выявить не удалось. Нет, однако, сомнения, что они претерпели определенные изменения.

Обнаружение (в ходе археологического исследования западного помещения часовни) полукруглого валика на разделяющей ее части сте-

²⁰ В экземпляре акта, обнаруженном нами, этот пункт зачёркнут, нумерация же последующих пунктов сдвинута на единицу. В том, что исключённая фраза отражала реальное положение дел, убеждает, однако, повторное упоминание о разбитой на две части плите в тексте этого документа на следующем листе данного экземпляра его [6, л. 177].

не — валика такого же, как и опоясывающий стены храма с внешней стороны — позволяет предположить существование периода, когда эта, в настоящее время внутренняя, стена была стеной внешней, а современного западного помещения часовни не существовало. Часовня в это время была однокамерной. Существовали ли в это время оба входа в нее (западный и восточный) или только один — неизвестно.

На следующем этапе, когда в результате перестройки к первоначальной часовне была присоединена западная камера, в западной (внешней) стене ее появился вход, который какое-то время считался, по-видимому, основным — только так можно непротиворечиво истолковать слова Кратирова, что «прежний вход» находился «с западной стороны» [24, с. 11].

Позднее планировка была изменена. В 1850-х на месте этого входа уже находилось небольшое окно («окошечко», как сказано в [14а, с. 125]). Вероятно, в это время в часовню входили с востока, из коридора, отделяющего склеп от трапезной. К концу XIX века окно на месте прежнего входа было расширено [24, с. 11]. Существовавшая в настоящее время на его месте кирпичная закладка относится, вероятно, к советскому времени. Ещё в 1990 через устроенное в её верхней части отверстие выходила труба печи, стоявшей в южной части западного помещения (разобрана в ходе подготовки к археологическим работам).

Время устройства в часовне иконостаса неизвестно, но в середине XIX века он уже несомненно существовал. Очевидцы отмечают его «*прекрасный рисунок*» [14а, с. 125]. В нём находилось до 12 икон, по мнению Панова, довольно древних [27, с. 224].

Можно предположить, что иконостас появился самое позднее после присоединения к ядру часовни западной камеры. Относительно его местоположения приводимые в литературе сведения скудны и не вполне ясны. У Кратирова сказано, что «*первоначально часовня находилась при входе в склеп (с западной стороны его) и отделялась от склепа иконостасом*». Понимаем это в том смысле, что иконостасная стена (граница часовни) проходила примерно по линии стены, разделяющей западное и восточное помещения первого этажа, собственно же часовня находилась в западном помещении. Но подобная интерпретация не согласуется с фразой, следующей далее: «*В настоящее время (1899 г. — И. Ю.) стены, отделяющей склеп от часовни, более уже не существует, а на месте её стоит большой деревянный крест*» [24, с. 11]. Стена, разделяющая связанные с часовней помещения первого этажа, существует и не похожа на позднюю. Значит, Кратиров подразумевал какую-то другую стену?

Несмотря на неполную ясность приведённых сведений, на основании цитированного текста вполне уверенно можно сделать по крайней

мере два вывода: что к концу XIX века иконостас в часовне был ликвидирован (хотя, быть может, и временно) и что на месте его был поставлен деревянный крест.

Сведений о проведении живописных работ в часовне не выявлено. Поскольку нижняя церковь в XIX века расписывалась неоднократно (в частности, в 1803, 1857 и 1882), нельзя исключить, что какие-то работы при этом были проведены и в часовне. Обследование красочных слоёв в помещениях часовни, проведённое в начале 1990-х, следов живописных работ в ней не выявило.

3. Церковный некрополь после закрытия храма

Приведённые здесь сведения относятся к состоянию храма и его некрополя преимущественно для периода с момента строительства существующего здания до закрытия церкви. Дополним их информацией о последующей судьбе захоронений.

Попытки закрыть Николо-Зарецкую церковь предпринимались по меньшей мере дважды. Уже принятое в 1930 решение о её закрытии в том же году было отменено президиумом ВЦИК [5, л. 22–22 об.].

Попытку повторили в 1934. 8 июля в ответ на ходатайство Тульского горсовета президиум Мособлисполкома принял решение разрешить закрытие церкви с последующим использованием здания под военно-учебный центр Автодора. Но на ближайшее время — до передачи Автодору — освободившееся помещение предполагалось приспособить для сыпки зерна нового урожая [6, л. 46].

Церковь была закрыта не позднее 13 августа 1934²¹. После приёма инспектором по госфондам церковного имущества от общины верующих, здание некоторое время оставалось без охраны. Вскоре на нём был сорван замок, после чего в течение двух дней оно стояло открытым. За это время часть остававшегося в нём имущества была уничтожена, часть расхищена. Дальнейший разгром приостановило вмешательство милиции. Незначительная часть сохранившегося имущества была передана в краеведческий музей [6, л. 92].

11 и 13 сентября 1934 по инициативе и под руководством представителей Тульского ГорФО было произведено вскрытие и обследование демидовского склепа и погребений в западном помещении часовни.

²¹ Это следует из обнаруженного нами акта от 14 августа, где о закрытии церкви говорится как о событии свершившемся [6, л. 68]. Может быть, эту дату следует сместить на 10 дней: в находящейся в том же деле копии документа стоит не 14, а 4 августа [6, л. 111].

«По окончании... работ все громоздкие предметы, как гробницы, плиты, кости, гробы и проч., были вновь погружены в образовавшиеся ямы, хотя и без строго порядка» [6, л. 114 об.]. Сотрудники музея на место проведения раскопок допущены не были.

Активная «преобразовательная» деятельность арендаторов здания в 1934–1937 привела к утрате многих исторически ценных предметов, мемориально связанных с Демидовыми. В докладной записке от 21 июля 1935, направленной директору краеведческого музея научным сотрудником М. А. Дружининым, отмечено, в частности, что *«с гробницы Никиты Демидова снята медная крышка с надписью»* [6, л. 124]. Не зная доподлинно, не станем обвинять тех, кто это сделал, в ненависти персонально к родоначальнику Демидовых. Более важным, на наш взгляд, было отношение новой власти к церкви как институту, и к храмам, как местам, где этот институт «угнездился», крайне низкий общий культурный уровень, наконец, вполне естественное желание приспособить стены, полученные в подчас нелёгкой борьбе с другими потенциальными арендаторами, для удовлетворения своих специфических нужд. Заготзерно — первая организация, использовавшая здание (в нём ссыпали зерно), за то сравнительно недолгое время, пока находилось в нём, — успело уничтожить иконостас в верхней церкви, разбить одну и сильно повредить две медные люстры невянских мастеров, уничтожить чугунный жертвенник, частично разрушить надгробный памятник Н. Демидову. Обследование объекта (в числе прочих, стоявших в то время под госохраной), состоявшееся 28 февраля 1936, отметило утрату этого иконостаса, всех медных люстр, чугунных престолов и жертвенников, надгробных плит [6, л. 149].

К августу 1936, когда фактическим владельцем здания являлась Тульская автошкола, зданию уже был нанесен значительный ущерб, наглядное представление о нем дает акт, составленный в это время по результатам осмотра объекта сотрудником музея Дружининым и директором автошколы Г. Д. Ковалёвым. Помимо прочего в документе, как уже говорилось, отмечено, что надгробие Н. Демидова «удалено с места и разбито» и что «удалена часть железных решёток в дверях и окнах» (пункт 4). В нём перечислены дальнейшие работы по реконструкции здания, намечавшиеся на вторую половину 1936–1937: *«Преобразование склепа Демидовых в камеру парового отопления»* и удаление оставшихся чугунных решёток в дверях и окнах [6, л. 176].

Планы были реализованы не полностью — в частности, избежал окончательного уничтожения демидовский некрополь. Не были осуществлены и весьма значительные по объёму работ замыслы, связан-

ные с 1937 годом, а именно, надстройка третьего этажа храма и снос его колокольни, которую автошкола, считавшая её своей собственностью, в то время не использовала [6, л. 176].

В 1947–1948 здания по адресу Оружейный пер. 12 относились к фонду местных советов; владельцем их являлся райисполком Зареченского района. В 1960–1980-х здание церкви на началах аренды использовалось Базой снабжения Тульского треста столовых, разместившей в ней склад. Владелец здания в это время считался отдел культуры горисполкома [1].

В 1978 в преддверии Московской олимпиады на памятнике были начаты реставрационные работы, проводившиеся при отсутствии исходной проектно-технической документации. Они включали консервацию и частичную реставрацию церкви и колокольни. В ходе этих работ был замурован вход с улицы в подвальные помещения под западной частью трапезной. К этому, вероятно, времени относится и устройство на месте внутреннего входа в склеп дощатого помоста, на уровне первого этажа полностью этот вход перекрывшего.

В начале 1980-х институтом «Спецпроектреставрация» (Москва) была начата разработка проекта реставрации памятника (плановое задание на реставрацию от 2 февраля 1982). На стадии предварительных работ (руководитель — ведущий архитектор АРМ-3 института О. А. Щипачёва) были проведены некоторые научно-исследовательские изыскания, в частности, работы по обследованию состояния живописи. Работа над проектом завершена не была.

Между 1982 и 1986 были снесены или руинированы постройки в северной части участка. Согласно техническому паспорту 1987 года в наличие на нём оставались лишь два строения: Б (церковь, по-прежнему, занимавшаяся складом), площадью (общей) 751,8 кв. м и Д (колокольня), общей площадью 75,7 кв.м. Площадь участка составляла 4175 кв. м, в том числе незастроенная 3082 кв.м. Разность и составляли церковь с колокольной плюс хозяйственные сараи во дворе с севера от церкви. На момент составления техпаспорта (февраль 1987 г.) подвал под основной частью здания был наглухо забит [1].

Реставрационные работы на памятнике были возобновлены в начале 1990-х. Они затронули усыпальницу (см. далее), кроме того, создавалась документация на восстановление металлической ограды вокруг церкви, ограждения ярусов колокольни и наружной винтовой лестницы на ее второй этаж. В 1994 в преддверии двух связанных с Демидовыми юбилейных дат — 300-летия первого построенного ими металлургического завода и 250-летия со дня смерти А. Н. Демидова — возобновле-

ны работы над проектом реставрации церкви. Они велись проектно-реставрационной архитектурной мастерской Тульской археологической экспедиции (главный архитектор проекта А. В. Шевчук).

4. Археологическое исследование некрополя

В храме вплоть до начала 1990-х годов находились преимущественно склады, часть помещений использовалась в качестве жилых. По-видимому, одна из квартир некоторое время располагалась в часовне непосредственно над склепом, сам же склеп служил подвалом хозяйственного назначения.

В период пребывания в храме базы снабжения Тульского треста столовых закрытая деревянным щитом лестница в склеп была недоступна, о ее существовании забыли.

Текст, следующий далее — опирающийся на мои дневники и воспоминания рассказ о том, как демидовский склеп был открыт заново, как его изучали, как приступили к реставрации. Я вынужденно буду довольно часто говорить о себе, но, надеюсь, в данном случае это простительно — мне довелось принять самое непосредственное участие в описываемых событиях.

В 1990 году я работал над статьёй, посвящённой истории тульского демидовского некрополя. Хотя документов и старых (дореволюционных) публикаций, касавшихся этой темы, набиралось, казалось, не так уж мало, их свидетельства друг другу во многом противоречили, в результате чего многое оставалось непонятным. Тем не менее, задуманная статья была дописана, а 30 августа, через две недели после того, как я принёс её в газету «Молодой коммунар», под названием «Последняя загадка Демидова» она была в ней опубликована.

К сожалению, загадка была разгадана не до конца и, несмотря на формальное завершение «расследования», я продолжал расспрашивать старших товарищей — краеведов и лиц, занимавшихся охраной памятников и реставрационным делом. Бывал, разумеется, и в Николо-Зарецкой церкви. Самые ранние записи на этот счёт в моём дневнике относятся к началу декабря, но совершенно точно, это было не первое её посещение.

18 декабря был там очередной раз. Я и сопровождавший меня работник склада Валентин Петрович Мансуров стояли в проходе, отделявшем центральную часть храма от лестницы на второй этаж. По моей просьбе он открыл отделённое от этого прохода железной решёткой помещение, находившееся на центральной оси здания напротив вну-

тренного входа в основную часть нижнего храма — часовню, как определял её я на основании чтения источников. Всё её пространство было завалено коробками, в том числе то место, где находится вход в склеп. («Находится» — пишу я сейчас. Тогда местоположение входа можно было только предполагать.) По словам Мансурова, который работал здесь около 20 лет (получается, пришёл сюда около 1970), «ничего здесь нет, никакого входа, просто какой-то пол». Я спрашивал, не было ли тут прежде, до того, как положили пол, лестницы вниз. Нет, лестницу лично он не помнил. Но какие-то смутные воспоминания о склепе в его памяти всё же оставались. Он рассказывал, что всё «заделано» было давно, чуть ли не до его сюда прихода, потому что «туда лазили, а там всякие черепа». На том участке, который можно было осмотреть (остававшийся свободным проход в середине помещения), часовня имела пол из железных плит. Следующая (у западной стены) комната была полностью тёмной — окно, устроенное на месте в настоящее время раскрытого внешнего входа, было тогда заложено. В этом, втором, помещении стояла печь; железный пол не просматривался. Судя по обстановке, когда-то здесь жили. В северо-западном углу находилась ещё крошечная комнатка. Хотя в ней горел свет, осмотреть её не удалось. Наконец, существовала небольшая комната, прижатая к часовне с севера. Войти в неё можно было из того сквозного прохода, через который мы вошли в часовню. В северной внешней её (маленькой комнаты) стене были окна: одно полностью заложено, другое частично раскрытое и её освещавшее. В ней также находились остатки печи, а пространство было совершенно загажено.

Рассказ Мансурова лишь укрепил меня в предположении, что под центральной камерой (предположительно, часовней) находится демидовский склеп. Оставался открытым вопрос о помещении подклета, который вроде бы существовал (он называл его «подвал»). Вход в него осуществлялся якобы снаружи. Из не вполне ясного рассказа Мансурова вроде бы выходило, что склеп и этот «подвал» — не одно и то же. Поле для размышлений и фантазий открывалось обширнейшее (можно было, например, размышлять, являются ли эти два помещения изолированными, использовались ли для погребений основной подклет и т. д.). Но главный вопрос, который нужно и можно было решить в первую очередь, — детально осмотреть место, где, скорее всего, находился вход в склеп.

Путешествия по церковным закоулкам и продолжающиеся библиотечные и архивные разыскания подталкивали к продолжению литературной работы. Следующая моя статья «Поругание», над которой я ув-

лечённо работал, была посвящена превратностям судьбы Николо-Зарецкой церкви в советскую эпоху. Именно в ней впервые были процитированы выдержки из протоколов, содержащих описание вскрытия захоронений Демидовых в 1934 году.

Уже в то время в моей голове брезжила идея в случае обнаружения этих захоронений музеефицировать их комплекс. Идея вызывала осторожную реакцию в краеведческом музее, где я в то время работал, и горячую поддержку — у «культурноозабочённых» знакомых и сторонних организаций, некоторые из которых они представляли. Поддерживал её, например, Тульский областной фонд культуры, председателем которого была тогда Нина Викторовна Кондакова. Поддерживал и городской отдел культуры во главе с ныне покойным Геннадием Степановичем Красненко.

10 января нового 1991 года я водил союзников и потенциальных соратников (среди них были и Красненко, и Кондакова) по историческим местам демидовской Тулы — по Оружейному переулку и Демидовской Плотине. Заходили и в Николо-Зарецкую церковь. На другой день снова был в ней. Прошёл по верхнему этажу. Трапезная, узкий проход вдоль центральной её оси, по сторонам полуразрушенные конструкции перегородок, дробивших на комнаты помещения, примыкавшие к внешним стенам. «Вот здесь, — показали мне комнату у южной стены, — жила одна бабушка, помним её». В центральном проходе попала на глаза расколота металлическая половая плита, которую решил забрать в краеведческий музей — для будущего музея «Некрополь Демидовых». Уже 16 января вывез её. Основание демидовской коллекции было положено. (Замечу, что работники склада оказывали всяческое содействие моим действиям, поскольку были только рады быстрее убраться из нелюбимого ими холодного мрачного помещения.)

На Красненко первое знакомство с демидовскими древностями Тулы произвело очень большое впечатление. После той прогулки он стал горячим сторонником моей идеи. 15 января приходил в краеведческий музей, где обсуждал этот вопрос с участием его директора (эту должность тогда занимала Нина Борисовна Немова). И хотя он был чиновником аппарата городской власти, а музей имел областное подчинение, такое его отношение на музейную администрацию влияло.

К концу января я закончил разработку программы «Тульский металл» — программы по изучению, мемориализации и пропаганде наследия тульских мастеров металла. 1 февраля передал её Красненко и Кондаковой. Были в ней пункты, касавшиеся и демидовских памятников Тулы, в частности, их комплекса их захоронений.

К этому времени я уже вёл переговоры с Тульской археологической экспедицией о возможности её подключения к исследованию демидовского некрополя. В дневнике отмечено, что 1 февраля намечал сходить с Владимиром Петровичем Гриценко, в то время возглавлявшим эту молодую организацию, в Николо-Зарецкую церковь. Поход то ли не состоялся, то ли окончился неудачей и был перенесён на 5-е. Заняться поиском входа в склеп мы не смогли, потому что участок, где я ожидал его найти, не только не расчистили, но, напротив, заставили металлическими контейнерами. Я просил, чтобы к следующему нашему приходу их убрали. Обещали.

25 февраля в городской газете «Тула» была опубликована моя статья «Поругание». Её появление внесло в общее дело свою лепту — те, кому она предназначалась, её прочитали.

В конце той же недели (1 марта) мы с Гриценко и прихваченным с собой в помощь сотрудником экспедиции снова прибыли в церковь. Пространство очистили, контейнеров на интересовавшем меня месте не было. Первые же простукивания пола показали пустоту у северной стены камеры. Приступили к вскрытию пола и обнаружили засыпанную мусором лестницу, уходившую в темное подземелье. Надев на всякий случай марлевые повязки, спустились и увидели небольшую камеру с неровным (явно раскапывавшимся и невыровненным) полом, тоже замусоренную — отчётливо помню полуразвалившуюся деревянную бочку. Черепов на поверхности точно не было, костей не припомню, хотя последнего не исключаю — земля, как я уже сказал, была вся перекопана. В таком вот неприглядном виде предстала нам усыпальница Демидовых, в которой никого не бывало, по меньшей мере, два десятилетия.

Вдохновлённый находкой, Гриценко согласился силами экспедиции раскопать памятник. Сомнений в целесообразности этой работы я не испытывал. Комплекс некрополя был основательно разрушен, и приведение его в порядок было невозможно без земляных работ. Проведение их археологами представлялось наилучшим решением. Красенко взялся профинансировать работы из городского бюджета. Я спешно трудился над запиской для Гриценко, которая должна была сообщить археологам нужные им для работы исторические сведения. В качестве главной задачи было поставлено выяснение состояния захоронений и приведение их в порядок в преддверии намеченной музеефикации и реставрации памятника. Гриценко же тем временем договаривался с человеком, который должен был непосредственно руководить работами. Это был Олег Ниязбегович Заидов, молодой новомосковский ар-

хеолог, специализировавшийся на изучении погребений. Памятники внутри построек он прежде не исследовал, но более подходящей фигуры в Туле, несомненно, просто не существовало.

В понедельник 25 марта в усыпальнице Демидовых были начаты работы «нулевого» цикла. К сожалению, я в этот момент ехал в поезде в Свердловск, где на следующий день начинался семинар, посвященный наследию Демидовых. Посмотреть на результаты смог только в пятницу, когда дело подходило к концу. В течение пяти дней работы, включавшие очистку камеры склепа от лежавших на поверхности посторонних предметов и удаление из нее верхнего слоя земли, были завершены. О том, что это в основном поздний культурный слой, говорило наличие в нем находок, датируемых преимущественно XX веком. Тем не менее, его изучали так тщательно, как этого требуют общепринятые археологические методики.

Все участники были воодушевлены, находились в ожидании предстоящих открытий.

Раскопки были возобновлены 8 апреля. Руководил ими Заидов, с ним работали пять землекопов. Были заложены шурфы за пределами церкви, к северу от неё: на месте якобы существовавшего прежде внешнего входа в подземелье (о нем рассказывали сразу несколько человек) и в месте, где была обнаружена аномалия при исследовании грунта геофизическими методами (их проводила группа московских специалистов во главе с Михаилом Яковлевичем Кацем). Начало оказалось не слишком удачным: следов северного входа обнаружить не удалось, при вскрытии аномалии ничего особенного также не обнаружилось. Работа приостановилась, но вскоре возобновилась. В таком пульсирующем режиме она шла и позже, что во многом определялось возможностями ребят, которые трудились в качестве землекопов.

В июне приступили к археологическому изучению западного помещения часовни. Пустоты здесь отсутствовали, а под земляным полом были обнаружены два поздних (XIX–начала XX века) погребения. Изучение второго было завершено во вторник 18 июня.

В тот же день началось исследование усыпальницы: здесь убрали плиты, закрывавшие часть пола, и приступили к раскопкам. Площадь склепа была вскрыта полностью. В ходе работ были обнаружены фрагменты окладов икон, ручки от гробов, чугунные формы для литья ядер, фрагменты полихромных изразцов. Выявлены следы одиннадцати погребений различной степени сохранности. На отдельных участках они располагались ярусами (до трех), разделёнными земляной засыпкой. При раскопках были найдены, видимо, незамеченные грабителями

предметы из погребений — образцы ювелирного искусства XVII–XVIII веков: серебряные, украшенные цветными эмалями кресты-тельники, золотой и серебряный перстни со вставками из драгоценных камней.

Первые сведения о проведённых раскопках были даны в совместной моей и О. Н. Зайдова статье [37]. Уникальная коллекция предметов из раскопок усыпальницы Демидовых поступила в фонды Краеведческого музея. Краткое описание наиболее ценных из них имеется в работе [17]. (Со временем они вошли в экспозицию музея «Некрополь Демидовых» — нового филиала Краеведческого музея, первым заведующим которого 12 января 1993 назначили меня.)

К началу осени 1991 года археологические исследования были в целом завершены. Пора было приступать к реставрации помещений, без чего их музеефикация была невозможна. Реставрация предполагала наличие проекта. 4 сентября возглавлявшая производственную группу по охране памятников Галина Михайловна Чоговадзе сообщила, что руководить работами по подготовке проекта реставрации комплекса демидовского некрополя будет московский реставратор Ольга Константиновна Савельева, которой Николо-Зарецкая церковь была знакома ещё с 1980-х годов. В начале 1990-х годов она не раз приезжала в Тулу, причём иногда не одна, а с нужными ей для работы специалистами из института «Спецпроектреставрация». Назову имена некоторых из тех, кто под ее руководством трудился на этом объекте — москвичей Константина Алексеевича Ягунова, Светлану Андреевну Платонову, туляка Виктора Ивановича Головкина.

13 ноября 1991 ломали закладку арки над лестницей, 29-го вскрыли пол в северной подлестничной камере... Научные изыскания включили изучение характера окраски колокольни и внутренней поверхности стен в часовне и демидовском склепе. Летом следующего года были периоды, когда посещать его приходилось почти ежедневно.

Работа шла. Наступил новый этап истории тульской усыпальницы Демидовых — этап, на котором она готовилась стать предметным и смысловым ядром будущего музея...

Источники и историография:

1. Архив Тульского бюро технической инвентаризации. Д. по строению Оружейный пер., 12.
2. ГАУ ТО. Ф. 734 (коллекция планов, карт и схем), оп. 1, д. 79.
3. Там же, ф. 840 (Тульский городской магистрат), оп. 4, д. 321.
4. Там же, ф. 1770, оп.1, д.326.
5. Там же, ф. Р-1060 (Тульский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполком), оп. 1, д. 903.

6. Научный архив ТОИАЛМ. Д. 18 (арх. № 76).
7. РГАДА. Ф. 248 (Сенат), оп. 160, д. 51.
8. Там же, д. 52.
9. Там же, ф. 271, оп. 1, кн. 585.
10. Там же, ф. 1267 (Демидовы), оп. 1, д. 761.
11. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 10. — СПб., 1901.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. — СПб., 1830.
13. Тула: Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. — М., 1884.
14. Андреев, Н. Ф. Историческое известие о Чулковой слободе (предместии), что в Туле // Тульские губернские ведомости. 1853. № 41–44. 10, 17, 31 октября. — С. 200–206, 208, 209, 211–214 (паг. отд. 2, ч. неофиц.).
- 14а. То же // Москвитянин. 1854. № 15. Отд. II. — С. 109–128.
15. Андреев, Н. Ф. Казанская церковь в городе Туле // Тульские губернские ведомости. 1853. № 3. 17 января. С. 11–15 (паг. отд. 2, ч. неофиц.).
16. Афремов, И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии // *Афремов, И. Ф. Собрание сочинений* [В 1 т.]. — Тула, 2008.
17. Двойникова, Е., Корабельникова, Д. Сокровища Демидовых // Тульский краеведческий альманах. Вып. 7. — Тула, 2010. — С. 140–142.
18. Демидов, П. А. Родословная Демидовых // Русский архив. 1873. № 11. Стлб. 2212–2229.
19. Дружинин, М. А. Памятники зодчества в Тульском крае // По Тульскому краю: (Пособие для экскурсий). — Тула, 1925. — С. 539–556.
20. Иванова, Л. В. История изучения московского некрополя // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. — М., 1991. — С. 34–47.
21. Краснова, Е. И. Демидовы: родословная роспись. — Екатеринбург, 1992.
22. Краснова, Е. И. Такие разные Демидовы. — СПб., 2007.
23. Козлов, В. Ф. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–30-е гг.) // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. — М., 1991. — С. 48–67.
24. Кратиров, П. Ф. Часовни г. Тулы // Тульская старина. — Тула, 1899. Вып. 5. С. 9–14.
25. Лобанов-Ростовский, князь А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. — СПб., 1895. Т. 1.
26. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. — Тула, 1895.
27. Панов, Г. И. Тульская Христорождественская, за рекою, или Николозарецкая церковь // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 4. 15 февраля. — С. 220–235 (паг. отд. «Прибавления»).
- 27а. То же // Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии. Вып. 1. Святые храмы города Тулы. — Тула, 1988. — С. 360–370.
28. Потапов, Л. А., Енишерлов, М. В. Проект зон охраны г. Тулы: Историческая записка. — Тула, 1990.
29. Рубан, В. Г. Описание императорского столичного города Москвы... / Репр. воспроизведение оригинала 1782 г. — М., 1989.
30. Сорок сороков / Авт.-сост. П. Г. Паламарчук. — М., 1994. Т. 2: Москва в границах Садового кольца.

31. Чадаев, В. Усыпальница богачей // Коммунар. 1974. 24 января.
32. Чернопяттов, В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 7 (16). Некрополь. — М., 1912.
33. Юркин, И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. — М.; Тула, 1998.
34. Юркин, И. Н. Демидовы: Столетие побед. — М., 2014.
35. Юркин И. Н. И так, она звалась Татьяной... (забытая страница истории рода Демидовых) // Тульские известия. 1994. 26 июля.
- 35а. Юркин, И. Н. К последней пристани (Акинфий Никитич Демидов в 1745 году) // Вестник Уральского отделения Российской Академии наук. Наука. Общество. Человек. — 2014. № 2 (в печати).
36. Юркин, И. Н. На перепутье (Баташёвы и их предпринимательская деятельность в Туле последней трети XVIII в.) // Индустриальное наследие: Материалы III междунар. научн. конф.; г. Выкса, 28 июня–1 июля 2007 г. — Саранск, 2007. — С. 562–569.
37. Юркин, И. Н., Заидов, О. Н. Археологическое исследование погребений Демидовых в Туле // Демидовский временник. — Екатеринбург, 1994. — С. 357–363.

А. А. Камоликов

ЩЕГЛОВСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Комплекс Щегловского Богородичного мужского монастыря занимает почётное место среди памятников старины и архитектуры. Обитель возникла на восточной окраине Тулы в середине 1860-х. Место это имело давние исторические корни. В названии окрестностей отразилась фамилия дозорного воеводы Щеглова, и от неё же — Щегловская засека, а по засеке — ручей. Существовала целая система укреплений: валы, преграды, рвы, засечные леса, которые помогали сдерживать вражеские набеги.

Прошли столетия, и на Щегловском ручье иеромонах **Варсонофий** (в миру московский купец **Василий Иванович Макарухин**) основал сию обитель.

Он родился 27 июля (8 августа) 1805 в Москве, скончался же 26 апреля (8 мая) 1890 в Туле. Дом его находился в Замоскворечье. С ранних дней Василий воспитывался как истинный христианин, исполнял церковные уставы, благочестие своё пронёс через всю долгую жизнь.

Со временем у него появилось твёрдое желание устроить под Тулой монастырь, чтоб был близ архиерейского загородного дома в Щегловке. Тульский историк и краевед Н. И. Троицкий в известном очерке Щегловского монастыря писал, что В. И. Макарухин со своей стороны употребил капитал в 500 тысяч рублей, помимо многих мелочных расходов и неустанных забот и трудов.

Активно поучаствовал в этом начинании и тульский купец Михаил Михайлович Струков, пожертвовав монастырю 42 десятины земли.

В мае 1860 состоялась закладка главного храма, а 8 сентября 1864 он был освящён в честь иконы Богородицы Млекопитательницы.

В устройении комплекса зданий участвовали архитекторы Гавриил Васильевич Бочарников с сыном Александром, иеромонах Никандр (в миру Николай Васильевич Кондрашов, родом из Тулы). О судьбе монастыря заботился епископ Тульский Никандр (Покровский), благословивший его открытие в мае 1860. Постройке зданий помогали городской глава Николай Никитич Добрынин и его брат Александр (тот вёл дело об общем устройстве монастыря).

Многие из здесь названных и неназванных нашли упокоение под монастырскими стенами и на подворье. По воспоминаниям жителей, которые ещё не столь давно проводили свои дни рядом с комплексом,